

*Н.Г. Краснодембская*

## **Л.Я. Штернберг и индийская экспедиция МАЭ**

Как мы знаем, с тех пор как в 1894 г. место директора МАЭ занял академик В.В. Радлов, началась активнейшая работа по усовершенствованию музея. Замысел заключался в том, чтобы к XX в. музейное дело и этнографическая наука в России были поставлены на новый научный и технический уровень. Музей должен был стать крупным научным центром, где бы, с одной стороны, проводились планомерные этнографические изыскания, а с другой — были устроены содержательные экспозиции, способные служить истинно научным пособием по изучению материальной и духовной культуры народов всего мира. В ряду многих неотложных дел по переустройству музея, укреплению его штата, покупок коллекций и обмена с некоторыми европейскими музеями вынашивались грандиозные планы по организации длительных экспедиций.

Индия стояла на одном из первых мест. Еще на рубеже XVIII в. Петр мечтал о прямых путях в Индию, даже через Северный Ледовитый океан. Он же передал музею собранные им в Европе и полученные в дар индийские раритеты (есть сведения, что подарки Петру посылал сам император Аурангзеб). К сожалению, большая часть этих коллекций погибла при пожаре в 1747 г., но кое-что интересное сохранилось (например, ступки слоновой кости, зарегистрированные лишь в 1910 г.).

К концу XIX в. по Индии были собраны любопытные материалы. Это было сделано трудами разных людей — других царских особ (например, коллекции № 308–312, собранные в путешествии цесаревича Николая Александровича перед его женитьбой и венчанием на царство в 1890–1891 гг.), знати, ученых, иных представителей интеллигенции. Академию наук, судя по всему, любили, и считалось престижным делать дары в академические музеи. Свой вклад в пополнение индийского фонда МАЭ сделал, например, молодой преподаватель кафедры индийской словесности Петербургского университета А. Сталь-Гольштейн, побывавший в Индии в 1903 г. Он преподнес музею фигурки типов населения Индии из Лакнау, мраморное изображение Ганеши, образцы индийских вышивок.

Однако эти коллекции чаще всего бывали в основном случайными. А самое главное, долгое время индийские предметы хранились и выставлялись в музее, не будучи должным образом описаны и зарегистрированы. Поэтому многие старинные экспонаты оказались собранными в отдельные описи уже в позднее время — в 1930-е и даже в 1940-е годы (например, коллекция № 4804 вобрала в себя около 500 старинных предметов неизвестного происхождения, а была составлена только в 1949 г.). Даже коллекция (№ 226, поступление 1993 г.), собранная И.П. Минаевым (1840–1890), основателем русской индологической школы, в его поездках по Южной Азии, не является по-настоящему системной, так как она передавалась в музей не им самим, а после его смерти близкими родственниками [Краснодембская 1983].

По новому же замыслу в МАЭ должны были создать специальную индийскую экспозицию (под Индией в те времена имелся в виду практически весь регион Южной Азии) и выделить ей особый зал. В экспозиции собирались показать сельский и городской быт, предметы материальной культуры, изделия ремесленников, культовые предметы, характеризующие религиозные воззрения и верования народов Южной Азии, образцы различных народных искусств.

Для решения новых задач и была задумана экспедиция 1914 года в Индию и на о-в Цейлон. Целью экспедиции был комплексный сбор коллекций, которые бы в наибольшей полноте характеризовали культуру и быт различных народов Индии и Цейлона. Члены экспедиции должны были, кроме сбора коллекций, вести активную и разнообразную полевую работу: познакомиться с населением разных районов Индии, изучать их языки и культуру. В некотором смысле это было как раз исполнением призыва И.П. Минаева изучать «живую Индию». Он призывал к этому в то время, когда европейская наука занималась главным образом древней Индией: ее языками, литературой, религией.

Готовились к экспедиции основательно. Для выработки ее программы была создана в высшей степени компетентная комиссия, в которую, в частности, вошли крупнейшие индологи той поры — С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатской. Участниками экспедиции должны были стать всего два человека — супруги Александр Михайлович и Людмила Александровна Мерварты. До начала сотрудни-

чества с МАЭ они не были этнографами. Правда, они были молоды, полны энтузиазма, образованны и трудолюбивы. И оба были готовы сделать все для развития и пополнения известного петербургского музея. А главными радетелями и организаторами этой экспедиции были В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг. Знакомясь с документами той поры, видишь, что хлопотали они о том, чтобы экспедиция состоялась, невероятно упорно и настойчиво.

Раньше мы уже много раз выражали искреннее восхищение истине подвижнической работой самих участников экспедиции, ведь она проходила в очень сложных условиях. Начало ее пришлось на конец весны 1914 г. Задумана она была на два года. Не все сложилось так, как планировалось. Свои коррективы внесли события, связанные с началом Первой мировой войны, в частности, удлинились сроки и сократились средства. Многие задачи пришлось решать в ходе полевой работы: выбирать наиболее характерные и интересные, с точки зрения этнографии, объекты изучения, факты и явления, разрабатывать методы этнографических опросов и сбора материалов. На эти темы они, уже находясь в изучаемых странах, вели переписку с коллегами. Однако, забегая вперед, скажем: экспедиция состоялась. Она внесла ценный вклад в развитие русской этнографии, создала богатейший фонд индийских и ланкийских коллекций МАЭ. Этот фонд и позволил впоследствии, уже в советское время, создать полноценную постоянную экспозицию, посвященную народам Южной Азии, что видно из первого путеводителя [Мерварт, Отдел 1927]. Покажем, опираясь на архивные документы, как это постепенно происходило.

До сих пор, как оказывается, мы слабо представляли себе, каких огромных усилий потребовал предварительный — организационный — период этой экспедиции, насколько тщательно и целеустремленно велась ее подготовка.

Александр Михайлович Мерварт был немцем, родился в г. Мангейм и с отличием окончил Гейдельбергский университет. В мужской гимназии Ягдфельдов в Петербурге он с 1911 г. преподавал немецкий язык. В 1912 г. он принял православие и сменил имя (раньше его звали Густав Герман Христиан). Историко-филологическое Отделение ИАН 27 марта 1913 г. рассмотрело предложение В.В. Радлова организовать в Музее специальный отдел культур Индии и Индо-

Китая и подготовить специалиста, знакомого с языками этих стран, которого можно будет впоследствии командировать в Индию для собирания коллекций. Таковым и стал доктор философии Гейдельбергского университета, преподаватель гимназии Герман Христианович Мерварт, занимавшийся санскритом и дравидийскими языками. Было решено с 1 мая 1913 г. командировать его в Берлин, чтобы он подготовился к экспедиции, поработал в библиотеках и Музее народоведения под руководством профессора Грюнведела [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1913. Е.х. 160. Л. 367об.].

Людмила Александровна была дочерью известного петербургского врача-инфекциониста Александра Михайловича Левина, который в 90-х годах XIX в. был послан русским правительством в Бомбей (ныне Мумбаи) для участия в борьбе с бубонной чумой, эпидемия которой поразила Индию. Он полюбил эту страну и «заразил» этой любовью свою дочь. Л.А. Мерварт с детства мечтала побывать в Индии и, еще учась на Бестужевских курсах, самостоятельно изучала санскрит под руководством С.Ф. Ольденбурга. У нее были прекрасные лингвистические способности, и она владела многими европейскими и восточными языками. Она была в числе первых трех «бестужевок», добившихся права держать экзамены за университетский курс и поступить на государственную службу. Л.А. Мерварт служила преподавательницей немецкого языка в Санкт-Петербургской 6-й гимназии имени Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 260].

Молодые люди подружились. Людмила Александровна, как рассказывали мне в свое время ее родные, передала жениху свои мечты об Индии. И неожиданным образом эти мечты смогли реализоваться в невероятной полноте.

А.М. Мерварт поступил на службу в МАЭ на добровольных началах (как тогда говорилось — приватно), изучил весь индийский фонд музея, одновременно регистрируя вновь поступающие коллекции. Состоялась его длительная поездка в европейские библиотеки и музеи, прошли консультации с европейскими специалистами — индологами и другими востоковедами. Затем А.М. Мерварт был приглашен на работу в Музей на полноценных основаниях. В.В. Радлов, «считая необходимым расширить отделы Индии и других культур-

ных стран Южной Азии и научное обследование этого материала, который в настоящее время имеется из этих стран в нашем Музее», 25 сентября 1913 г. просил разрешения Историко-филологического Отделения ИАН «принять на службу по вольному найму доктора философии Гейдельбергского университета Германа Христиановича Мерварта, который благодаря подготовке в санскрите и дравидийских языках мог бы научно обрабатывать музейный материал и со временем стать специалистом по индологии, и назначить ему вознаграждение в размере 80 руб. в месяц, считая с 1 октября 1913 г.» [Там же. Л. 81].

Оформление статуса сотрудника МАЭ потребовало от дирекции значительных хлопот. 14 января 1894 г. директор Музея обращался к Его Высокопревосходительству Министру народного просвещения Л.А. Кассо:

*«Милостивый Государь Лев Аристидович.*

*Пользуясь любезным согласием Вашего Высокопревосходительства уделить [время на] личное мое перед Вами ходатайство, согласно Вашему желанию излагаю письменно это мое ходатайство, состоящее в следующем.*

*Штатный преподаватель немецкого языка в Санкт-Петербургской Шестой гимназии, доктор Гейдельбергского университета Герман Христианович Мерварт в качестве санскритиста и индусолога приглашен мною для подготовки к большой экспедиции в Индию. В виду того, что большие подготовительные работы к этой экспедиции вынуждают его оставить штатное место в гимназии, и в то же время для него очень важно сохранить свои права государственной службы, прошу прикомандировать его к Министерству народного просвещения с откомандированием в распоряжение вверенного мне Музея впредь до утверждения возбужденного Академией ходатайства о введении в штат музейного персонала сверх штатных этнографов.*

*Прошу принять уверения в истинном уважении и таковой же преданности. В. Радлов»* [Там же. Л. 204].

2 апреля 1914 г. был получен положительный ответ.

*«Господину Вице-Президенту Императорской Академии наук.*

*Вследствие отношения от 19 марта с.г. за № 1276, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что на основании Высочай-*

*шего повеления 8 апреля 1896 г. Министерство разрешает командировать причисленного к Министерству народного просвещения доктора философии Гейдельбергского университета Германа Мерварта и Людмилу Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию для собирания этнографических коллекций для Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого при Императорской Академии наук, сроком на два года с 5 сего апреля.*

*Подлинное подписал за Министра народного просвещения Товарищ Министра В. Шеваков» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 274].*

Совет министров 5 мая 1914 г. учредил новые сверхштатные должности МАЭ (VII класс по чинопроизводству, но без присвоения им содержания и пенсионных прав) [Там же, л. 192], одна из которых предназначалась для Г.Х. Мерварта.

К будущей экспедиции супруги Мерварт готовились постепенно. Находясь в командировке в Европе, Г.Х. Мерварт постоянно информировал Музей о своей работе и успехах. Из Берлина он 6 июня 1913 г. сообщал В.В. Радлову о встрече с профессором А. Грюнвеллем, работе с индийскими коллекциями, покупке книг для МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Е.х. 65. Л. 168–170]. Продолжая эту тему в письме из Мюнхена 22 июня / 9 июля 1913 г., он сообщал, что местные коллеги советуют в исследованиях обратить особое внимание на Цейлон, регион Нилгири на юге Индии, Внутренний Декан, Ориссу, Гималаи. В частности, пристально изучать демонические культы [Там же. Л. 263–266].

В.В. Радлов и Л.Я. Штернберг почти по-родственному хлопотали о молодых ученых. Они готовили необходимые бумаги для Историко-филологического отделения ИАН и Попечительного совета МАЭ, в российские консульства за рубежом. В.В. Радлов специально просил Историко-филологическое отделение ИАН обратиться в Министерство иностранных дел с просьбой «войти в сношение с правительством Великобритании» об оказании этим лицам возможности содействия: *«Прошу разрешения Отделения командировать д-ра Гейдельбергского университета Германа Христиановича Мерварта и Людмилу Александровну Мерварт на о. Цейлон и в Южную Индию для собирания этнографических коллекций сроком пока на один год и вместе с тем прошу Отделение обратиться в Министерство ино-*

*странных дел с просьбой войти в сношение с правительством Великобритании об оказании этим лицам возможности содействия».* В этом же документе от 26 февраля 1914 г. отмечено, что «*средства на экспедицию предоставляются Попечительному совету Почетными членами Б.А. Игнатьевым и К.К. Шейблером*» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 271].

Особые хлопоты — перед руководством Добровольного флота (о предоставлении членам экспедиции возможности бесплатного проезда от Одессы до Коломбо ввиду ограниченных средств у Музея). Вот бы и в наше время возникла подобная практика, и нам бы найти *просвещенных содейтелей!* 5 февраля 1914 г. В.В. Радлов обращается к председателю правления Добровольного флота Его Превосходительству адмиралу М.В. Князеву:

«Милостивый Государь Михаил Валерианович.

*Позволю себе обратиться к Вашему Превосходительству со следующей просьбой: Музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого снаряжает экспедицию в Индию для собирания этнографических коллекций и для научных исследований и командирует для этой цели состоящего на службе в Музее Германа Христиановича Мерварта и жену его Людмилу Александровну Мерварт. В виду крайне ограниченных средств Музея обращаюсь к Вашему просвещенному содействию для предоставления означенным лицам свободного проезда на пароходах Добровольного флота от Одессы до Коломбо и обратно. Экспедиция предполагает выехать из Одессы 10 мая с.г.*

*Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в совершенном моем почтении и преданности. В. Радлов*» [Там же. Л. 242].

Нужно было еще договориться, чтобы Л.А. Мерварт в нужный срок освободили от служебных обязанностей. 19 февраля 1914 г. В.В. Радлов направляет официальное письмо директору Санкт-Петербургской 6-й гимназии имени Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, известному педагогу, профессору Петербургского университета Его Превосходительству Г.Г. Зоргенфрею.

«Милостивый Государь Густав Густавович.

*Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что ввиду непредвиденных мною и не зависящих от меня обстоятельств я вы-*

нужден перенести время отъезда состоящей преподавательницей немецкого языка во вверенной Вам гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Людмилы Александровны Мерварт, командирваемой Музеем антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого с научной целью в Индию, с 10 мая на 15 апреля с.г. Перемена эта находится в связи с изменением расписания пароходов Добровольного флота.

Вы бы поэтому очень обяжали меня, если бы Вы нашли возможным освободить Людмилу Александровну Мерварт от возложенных на нее обязательств с 15 апреля с.г.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в совершенном моем уважении и искренней преданности. В. Радлов» [Там же. Л. 260].

Наконец, Музей известил правление Добровольного флота, что Мерварты выедут из Одессы 15 апреля на пароходе «Екатеринослав» [Там же. Л. 261]. Заказаны 12 марта 1914 г. «командировочные листы» для обоих участников экспедиции: «В дополнение к моему представлению о командировании приписанных к Министерству народного просвещения Германа Христиановича Мерварта и Людмилы Александровны в Индию, прошу распоряжения Конференции [ИАН. — Авт.] об изготовлении для них командировочных листов на английском и русском языках и о выдаче им заграничных командировочных паспортов. В. Радлов» [Там же. Л. 295].

27 марта 1914 г. получены «удостоверения Г.Х. Мерварту и Л.А. Мерварт по командировке Академии наук в Южную Индию и на о. Цейлон на два года для собирания этнографических коллекций» (на русском и на французском языках) [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8. Л. 20–23].

Радлов заботился о получении для членов экспедиции рекомендательных писем, обращался с просьбой о консультациях к некоторым видным европейским исследователям и знатокам индийской культуры. Например, к тому же Альберту Грюнвелделю, консультации которого Мерварты получали в Германии. В результате были получены важные советы, в частности, рекомендации обратить особое внимание на дравидский юг Индии. К этому времени в европейской науке созревало понимание того, что этот регион оставался очень мало известным западным исследователям.

Старший этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг также использовал свои научные знакомства в Европе, стремясь облегчить эти задачи для молодых исследователей. Например, 17 марта 1914 г. он обратился к известному индологу В.Г.Р. Риверсу, с которым познакомился на Конгрессе американистов в Лондоне, и попросил его подготовить рекомендательное письмо для Мервартов, а также поделиться опытом [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 308об.]. А через два дня, 19 марта 1914 г., уходит официальное письмо в Российское консульство в Коломбо, в котором сообщается о командировке от МАЭ супругов Мервартов и высказывается просьба *«сохранять для них посылки» («транспортные расходы они урегулируют»)*, а также оказывать им *«необходимое содействие при выполнении ими поручений»* [Там же. Л. 280].

Для экспедиции были приобретены новейшие приборы — качественный киноаппарат, фонограф и пр. В хлопотах участвовали и Л.Я. Штернберг, и В.В. Радлов. А Мерварты прошли специальный курс обучения, чтобы уметь пользоваться новой непростой техникой. Благодаря этому впоследствии музей получит от них немалые фотографические коллекции в виде негативов и позитивов. Представителя Генеральной компании «Pathé Frères» 1 апреля 1914 г. Л.Я. Штернберг просил *«отпустить один хронометрический аппарат “Профессионал” с полным комплектом за 900 руб.»*, обещая половину суммы выплатить сейчас, вторую половину — 1 июля. *«Аппарат будет принят г. Мервартом»* [Там же. Л. 343]. Второй счет Генеральной компании фонографов и синематографов братьев Пате на 485 руб. за съёмочный аппарат, купленный для экспедиции Г.Х. Мерварта, оплачен в апреле 1915 г. из сумм, ассигнованных для МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 88].

Этот заказ был выгоден фирме, от которой 14 апреля 1914 г. директору поступило письмо.

*«Согласно Вашему почтенному заказу за № 186 от 1 с/м мною было выдано г. Мерварту: полный комплект съёмочного профессионального аппарата и вертикальная платформа, и III м негативной пленки для пробы аппарата. На эти последние предметы г. Мерварт обещал мне дослать добавочное требование, но до сих пор такое мною получено не было.*

*При сем счет за негативную пленку на 26 руб. 64 коп.*

*Считаю долгом уведомить Вас, что нами принимаются на обработку негативы наших клиентов, т.е. проявление негативов и печатание позитива.*

*Т.к. г. Мерварт, по всей вероятности, будет проявлять негативы в наших отделениях в Калькутте и Бомбее, то мы можем предложить Вам печатание позитивов по цене 35 коп. за метр. В зависимости от количества метража вышеупомянутая цена может быть значительно уменьшена.*

*В ожидании Ваших почтенных заказов пребываю в совершенном почтении,*

*Заведующий Санкт-Петербургским отделением» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 102].*

*Аналогичные предложения поступили и от конкурентов.*

*«Кинематолаборатория Ф.К. Вериги-Даровского, Санкт-Петербург, Коломенская ул., д. 5, кв. 102. 10 апреля 1914 г.*

*В Этнографический музей Академии наук.*

*Ссылаясь на личные переговоры с уважаемым Г.Х. Мерварт, обученным мною кинематографическому делу и отправившемуся в экспедицию в Индию, настоящим предлагаю Вам мои услуги по печатанию позитивов с негативов, которые будут Вами получены от него из Индии. До отъезда своего из Санкт-Петербурга г-н Мерварт был так любезен предложить исполнение этой работы мне, зная отличное, скорое и дешевое исполнение таковых моей лабораторией под моим личным наблюдением. Печатание негативов для Этнографического музея можно исполнить по крайне дешевой цене в 25 коп. за погонный метр, включая анилиновую окраску ленты, но без химических виражей, за которые обыкновенно взимаю надбавку 5 коп. за метр.*

*Я надеюсь, что при получении от г. Мерварт негативов таковые будут переданы мне для изготовления соответствующих позитивов и в этом ожидании пребываю,*

*С совершенным почтением, Ф.К. Вериги-Даровский» [Там же. Л. 176–176об.].*

*27 марта 1914 г. участники экспедиции получили командировочные удостоверения о поездке «в Южную Индию и на о. Цейлон на два года для собирания этнографических коллекций» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8. Л. 21]. А 15 апреля они уже отплывали из*

Одессы на корабле, державшем курс через Суэцкий канал к берегам Индостана. Первым на их пути лежал остров Цейлон (ныне Шри Ланка). Здесь их застало известие о начале Первой мировой войны. Это привнесло необычайные трудности в исполнении экспедиционных планов, удлинило сроки путешествия, сократило финансирование. Сама переписка с МАЭ стала затрудненной и нерегулярной. Но они всё равно принялись за дело. А также, несмотря на все материальные, организационные и психологические сложности, которые создала обстановка мировой войны, руководство Музея и участники экспедиции старались поддерживать переписку.

Вот первое письмо от экспедиции из столицы Цейлона. Оно содержит финансовый и первичный деловой отчет о начатой на острове работе. На первом этапе участники экспедиции, прежде всего, осваивают местные языки (сингальский, тамильский, а также язык буддийской учености — пали), устанавливают полезные знакомства. Кроме того, они внимательно изучают собрания местного Национального музея, где уже собраны значительные материалы по этнографии ланкийцев и их культуре в целом. Примечательно, что в письме высказывается опасение дублировать работу по дравидам с М.С. Андреевым. Здесь усматривается цель наиболее рационально использовать и материальные возможности экспедиции, и свой собственный человеческий потенциал. Поражает, что за небольшой срок нашим этнографам удастся решить несколько важных организационных задач, которые помогают им в исполнении научных целей.

3 июня 1914 г. Л.А. Левина-Мерварт (именно она взяла на себя переписку с МАЭ, которую вела по-русски и по-английски) пишет из Grand Orient Hotel в Коломбо, Ceylon:

*«Глубокоуважаемый Василий Васильевич!*

*Завтра уходит первая почта в Европу с тех пор, как мы здесь. С нею идут и первые известия о нашем путешествии. До Коломбо мы доехали вполне благополучно, не страдавши даже от морской болезни. Расплатившись на пароходе, мы сошли на землю с 539 англ. фунтами в кармане. Из 7700 руб., полученных нами на экспедицию, истрачено на снаряжение 2028 руб. 74 коп., а на дорогу Петербург — Коломбо 574 руб. 50 коп., остаток и составляет 539 фунт.*

В цифру расходов на снаряжение экспедиции выходят 934 руб. 90 коп. на фотографические принадлежности (в т.ч. 450 руб. первый взнос за кинематограф), 140 руб. за седла и обучение верховой езде, 120 руб. за бинокли, запасные очки и т.д., 42 руб. стоимость аккредитива и 791 руб. 84 коп. за наше оборудование, книги, краски и др. расходы.

В расходы на дорогу я включила и 15 фунтов, истраченные в Порт-Саиде на пополнение снаряжения вещами, покупать которые в Петербурге стоило бы дороже.

Сюда мы приехали 16/29-го мая и за эти 5 дней, что мы здесь, благодаря заботливой любезности здешнего нашего консула Б.П. Кадомцева и предупредительности, с какой директор и особенно остальные служащие музея идут навстречу всем нашим желаниям, дело начинает идти на лад. Утро с 8 ч. до 12 ч. мы проводим в Музее, тут два хранителя (один сингалец, другой тамил) освобождены директором на время нашего пребывания здесь от всяких обязанностей и прикомандированы к нам. Один из них нашел нам учителя тамильского языка, у которого Г.Х. ежедневно берет уроки. Я же в это время изучаю сингальский язык. Кроме того, один из этих хранителей, г. Jayasinha, познакомил Г.Х. с здешним главным буддийским жрецом, который занимается с ним ежедневно Pāli. Ввиду этого Г.Х. думает остаться в Коломбо месяца на два. Я же, когда покончу с музеем, думаю уехать в Kandy.

Одновременно с окончанием этого изучения я думаю покончить уже и все нужные и возможные здесь покупки. После полудня я хожу по базарам, улицам, etc. с *boy'em* (директор Музея Mr. Pearson достал очень толкового сингальца), и я показываю ему, какие вещи он должен потом купить. Вечером он их приносит, и таким образом мы платим едва ли много дороже местных цен. Музей же указал нам человека, которому заказываем модели. Многие вещи придется собирать в Kandy и в деревнях в горах. Очень важно было бы получить костюмы и уборы кандийских вождей и их женщин. Вчера, в день рождения английского короля, мы были на рауте у губернатора и могли рассмотреть их очень подробно. Купить их едва ли представляется возможным, да и стоили бы они не одну тысячу рупий, но консул говорит, что за медаль они бы, вероятно, охотно пожертвовали бы их Музею и, может быть, не только их.

Вообще, если бы только возможно было бы иметь здесь несколько медалей, жетонов или иных наградных знаков за споспешествование процветанию Музея, то они могли бы сыграть большую роль. Мне помнится, что этот проект уже обсуждался у Вас в ноябре вместе с Prof. Grünwedel'ем и был признан исполнимым при том условии, чтобы нагрудный знак этот не имел бы изображения государственного герба.

Кроме того, у нас есть еще одна просьба. Здесь мы узнали, что Андреев везет Музею коллекцию в тридцати ящиках, так не найдет ли кто-нибудь в Музее времени сообщить нам о составе этой коллекции, чтобы мы не приобрели дубликатов.

Вот, кажется, и всё самое главное. О впечатлениях же наших нарочно ничего не пишу, а то никогда не кончу.

Г.Х. (он сейчас в монастыре у буддистов) и я шлем Вам, глубокооуважаемый Василий Васильевич, Вашим и всем в Музее пожелания всего самого хорошего.

*Искренне преданная Вам Людмила Левина-Мерварт* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 174–175об., 200–201 об.].

Будет и еще пара писем с подробными отчетами о текущей и уже проделанной работе, об обстоятельствах и возможностях исследований и сборов. Эти письма сохранились и заслуживают особого рассмотрения в контексте собственно цейлоноведения. Поэтому пока мы оставим их в стороне. Обратимся к посланиям, которые идут на далекий Цейлон из МАЭ. Пишет нашим исследователям обычно Л.Я. Штернберг. Похоже, что, конкретные научные вопросы чаще обсуждались именно с ним. В своих письмах он дает научные и практические советы, а также старается и просто поддержать их дружескими словами. Возможно, первоначально Мерварты были именно его знакомыми и он сам рекомендовал их В.В. Радлову. 1 сентября 1914 г. он сообщает:

*«Дорогой Герман Христианович,*

*Вы, разумеется, давно знаете про войну. Война, конечно, не особенно благоприятное обстоятельство для музейного дела уже потому одному, что на прилив пожертвований трудно рассчитывать. Поэтому важно использовать нынешнюю командировку как можно продуктивнее. С этой точки зрения важно прежде всего как можно*

больше удлинить срок пребывания в Индии, не только потому, что это облегчает тяжесть накладных расходов по поездке и снаряжению, но потому, что теперь в период войны Вы избегаете конкуренции туристов и при общем денежном зastoе можно делать сбор гораздо дешевле обыкновенного. Следуйте, при нынешних трудных обстоятельствах, мудрому принципу политической экономии — с наименьшими жертвами достичь наибольших результатов.

Ваше письмо и денежные отчеты получены, и читал с большим интересом и буду надеяться, что и в Индии Вам удастся завязать такие же прочные связи, как на Цейлоне. Слава Богу, Василий Васильевич [Радлов. — Авт.] отлично поправился и снова такой же жизнерадостный и энергичный, как был. В Музее все по-старому. Со всех сторон прибывают коллекции, уже и не знаем, куда их класть. Ваши коллекции рекомендуем пока не посылать, а отдать на хранение либо в посольство или консулам, либо в надежный частный склад. В ближайшем заседании Вы будете представлены сверхштатным этнографом Музея, т.к. Министерство утвердило две новые должности сверхштатных этнографов, т.ч. теперь Вы инкорпорированы в постоянный штат Музея. Этим летом в санатории Либека часто вспоминали вас и были очень благодарны в рекомендации санатория.

За сим желаю Вам и Людмиле Александровне здоровья и бодрости и вообще всего лучшего. Все в Музее шлют привет.

Л. Штернберг

*P.S. Еще хотел бы прибавить пару слов. Пусть война и ее служители не очень Вас смущают. Приспособить к обстоятельствам в ответ экономудрования конечно, придется, также вполне в нижеследующем: если понадобится пожертвовать в будущем году счет, мы постараемся выслать кое-что и из штатных сумм, т.ч. собирайте и собирайте! Пусть это будет Вашим девизом!*

*И еще раз всего лучшего! Не будем с Вами выпрашивать о мировой жизни, ибо сами понимаем, что переходный период. Л.Ш.»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 445–446].

Отчасти получилось некоторое распределение в работе Радлова и Штернберга: Василий Васильевич как директор больше был занят официальной перепиской с высшими начальственными и другими инстанциями, а Лев Яковлевич теснее общался с участниками экс-

педиции. По всей видимости, никаких теоретических споров между участниками описываемых событий в этот период не существует. Все подчинено главной задаче — сбору научных материалов.

Между прочим, в это время Г.Х. Мерварта, уже заочно, оформляют как полноправного сотрудника Музея. Хлопочет Радлов:

*«В виду состоящегося 28 апреля с.г. Высочайшего повеления об учреждении двух сверхштатных должностей младших этнографов при вверенном мне Музее, прошу Отделение избрать и представить к утверждению в должности младших сверхштатных этнографов следующих лиц, прикомандированных к Министерству Народного Просвещения и откомандировать для занятий в Музее: 1) окончившего по 1-му разряду Санкт-Петербургский Университет по Естественному Факультету по отделению географии Б.Э. Петри; 2) доктора Гейдельбергского Университета Г.Х. Мерварта. Оба эти лица своей работой в Музее вполне зарекомендовали себя как добросовестные и научно-подготовленные музейные работники. Директор В. Радлов»* [Там же. Л. 462]. 10 ноября 1914 г. Г.Х. Мерварт был единогласно избран и утвержден в должности младшего этнографа [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Е.х. 8. Л. 43].

6 марта 1915 г. В.В. Радлов просил *«Правление выдать младшему этнографу (сверх штата) Г.Х. Мерварту удостоверение в том, что он, состоя ученым хранителем Индийского отдела вверенного мне Музея, на точном основании закона не подлежит призыву к отбыванию воинской повинности»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 62].

С началом войны переписка почти обрывается. Не все письма доходят до адресатов. Сохранилось письмо Людмилы Александровны к родным, в нем ярко запечатлелись трудные обстоятельства жизни экспедиции на Цейлоне (1/14 сентября 1914 г.). Но мысли о своем научном долге, о Музее и его поручении стоят на одном из первых мест:

*«Дорогие мои,*

*Получите ли Вы это письмо, нет ли — не знаю. В Россию отсюда почта не идет, но через неделю или около того из Коломбо пойдет один пароход Добровольного Флота, он попытается прорваться в Одессу или во Владивосток. Мамино письмо от 14 июля я получила вчера — оно шло через Гонконг. Очевидно, тогда о войне еще и не*

думали. Здесь она была совершенной неожиданностью. К сожалению, сведений о войне мы имеем очень мало. В газеты проникает лишь немного, и оно, конечно, главным образом касается английских успехов на западном поле действий. Однако из того, что доходит сюда, все же ясно, что Россия спасает положение. Как я рада! Ясно еще и другое: за Японскую победу русский штаб выучился держать в тайне всё, кроме уже добытых успехов. Газеты, разумеется, ворчат. До чего тяжело в это время сидеть здесь! Мы стараемся учиться сколько можем, но делать что бы то ни было очень трудно. Известий из дома Германа никаких, но мужья обеих его сестер (один офицер запаса, другой запасной и притом моторист) должны были оба быть призваны в самом начале войны. У одного трое детей, у другого новорожденная дочка. Кого из моих родных эта война задела? Где Володя, Надя, Люся? Вообще, ради Бога, попытайтесь дать нам весточку о себе и о положении дел. Писать придется, вероятно, на Владивосток. Адрес наш тот же, здешний консул. С этой «почтой» мы посылаем еще несколько писем и всех просим протелефонировать о получении их Вам на случай Вы этого письма не получите. А Вы, пожалуйста, позвоните Петри (Б.Э. или Е.Л. мать), чтобы в Музее знали, что мы живы и работаем сколько можем. Только теперь мы не собираем, потому что не знаем, когда придут следующие суммы из Музея и придут ли вообще. Конечно, теперь для собирания самое благоприятное время. Здесь страшное разорение, потому что почти прекратился вывоз чая, каучука, корицы и т.д. Кроме того, нет и не будет иностранных путешественников и поэтому можно было бы купить много и дешево. Но..? Остается только учиться. Если опять долго не будет известий, не беспокойтесь. Мы здоровы. Но мы очень волнуемся. Ради Бога, пишите. Шурочка всех Вас целует. Кого нельзя поцеловать, тем шлем поклоны. Я тоже всех крепко обнимаю и целую. Ваша Мила» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 67. Л. 10].

Финансирование экспедиции происходило с большими перерывами. На первом этапе экспедиция имела значительные средства — 7700 руб. Л.А. Мерварт, ознакомившись с положением на Цейлоне, немедленно (12/25 июня 1914 г.) сообщила: «Для того чтобы возможно меньше потерять на переводе, придется, если это возможно по телеграфу, посылать сюда деньги всегда английским золотом

*(English pounds in gold)*» [Там же, л. 197–199 об.]. Вторую половину пожертвования Игнатьева (6000 руб.) ожидали к концу июня 1914 г., но получили 30 июля [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Е.х. 46. Л. 1об.] 5/18 сентября 1914 г. Л.Я. Штернберг спешил успокоить Мервартов (перевод с англ. — Авт.):

*«Дорогие друзья! Ваша открытка от 5 августа очень нас обеспокоила. Как мы поняли из нее, вы не получили денег, переведенных вам по телеграфу за 12 дней до войны. Из моего детального письма, посланного на днях, вы могли бы увидеть, что мы надеемся даже теперь, что у вас более благоприятные условия составить коллекции по Цейлону, чем на континенте, более богатые и более дешевые. Мы надеемся, что деньги уже у вас в руках и вы продолжите собирать, как и ранее. Ваш самый искренний, Л. Штернберг»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 66. Л. 452].

К 1 января 1915 г. на экспедицию Г.Х. Мерварта на Цейлон было затрачено 13 825 руб. 14 коп., в основном из средств Б.А. Игнатьева и К.К. Шейблера, которые внесли на счет Попечительного совета в 1914 г. соответственно 12 000 и 27 470 руб. [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 420 об.].

Возникают сложности с пересылкой уже собранных коллекций. 27 декабря (9 января) Л.Я. Штернберг сообщает Мервартам (перевод с англ. яз. — Авт.):

*«С сентября мы не получали никаких известий от вас. Конечно, это не ваша вина. Очевидно, вы не получили одно из наших писем [написанных. — Авт.] по-русски. Прежде всего я должен вас информировать, что мы не получили ваших коллекций. Пароход «Воронеж» выгрузил груз в Александрии, но главное — то, что в коносаменте, присланном в контору Добровольного Флота в Петроград, этот груз вообще не указан. Что это должно означать? Необходимо осведомиться у агента Добровольного Флота. В будущем году вы можете рассчитывать на наше вспомоществование в сумме 5–6 тыс. рублей, поэтому продолжайте покупать коллекции. Помните, что собирание — это Ваша главная цель, телеграфируйте нам по телеграфному адресу: Retromus. Настоящим сообщением иллю вам перевод нашего последнего письма.*

*Желаю вам расторопности, здоровья и успеха,*

*Искренне Ваш»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 19].

Мерварты отвечают телеграммой из Мадуры 6 февраля 1915 г., что они регулярно писали и получали письма, сбор коллекций продолжают, отправлено пять ящиков, еще 25 находятся в Коломбо, куда и надо послать телеграфом деньги на адрес Русского консульства [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 70. Л. 5].

Эти сведения дали основание В.В. Радлову получить 11 февраля 1915 г. разрешение Историко-Филологического отделения *«из сумм МАЭ на приобретение коллекций ассигновать: 1) Г.Х. Мерварту 6 тыс. руб. на дальнейшие сборы в Южной Индии. До сих пор собрано этими лицами 30 ящиков коллекций по быту, искусству и религии Цейлона, большая серия рукописей, и наряду со сборами они успешно изучали туземные языки и литературу на этих языках»* [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1915. Е.х. 162. Л. 399об.]. При этом он 18 февраля 1915 г. убедил Правление ИАН в порядке исключения отправить средства не через Кредитную канцелярию: *«В дополнение к выписке из Протокола № 320, согласно которому Конференция ассигновала сумму в 6000 руб. на продолжение экспедиции Г.Х. Мерварта в Индию, каковая экспедиция была снаряжена в прошлом году на средства Попечительного совета и в этом году вследствие исключительных обстоятельств им дальше субсидирована быть не может, я, в качестве Председателя Попечительного совета, в виду крайней важности дела, прошу означенную сумму выдать мне для перевода ее по телеграфу в Коломбо»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 51]. 17 марта 1915 г. Мервартами деньги были получены [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 70. Л. 15].

Об этой первой коллекции старший этнограф Л.Я. Штернберг 18 апреля 1915 г. информировал Правление Добровольного Флота:

*«По полученным Музеем сведениям груз — 4 ящика с этнографической коллекцией, отправленный на пароходе «Воронеж» из порта Коломбо, был выгружен вследствие событий военного времени в Александрии, где и находится по настоящее время. Коносамент на груз Музеем не получен.*

*Музей обращается к Правлению Добровольного Флота с покорнейшей просьбой отправить в Александрию телеграфное распоряжение о том, чтобы груз был передан в ведение Таможни и находился там в хранении от имени Музея. Все расходы и платежи по перевозке, выгрузке и хранении в Александрии, равно как и расходы*

по телеграфному распоряжению, Музей берет на себя» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 122].

Одновременно он обращался в Императорское Российское консульство в Александрии:

*«На пароходе “Воронеж”, который вследствие военных обстоятельств в июне 1914 г. выгрузился в Александрии, находились 4 ящика с этнографическими коллекциями их Коломбо, заадресованные во вверенном мне Музее. Ныне по распоряжению Добровольного Флота груз этот передан на хранение в «Египетские завозные склады», находящиеся в ведении Таможни. Ввиду крайней научной ценности груза, покорнейше прошу Консульство принять в свою очередь меры по охране этого груза и по окончании войны отправить через “Добровольный Флот” в Одессу по адресу: Петроград, Императорская Академия Наук, Музей этнографии. Все расходы по хранению вещей в таможне и сдаче на пароход Музеем будут уплачены»* [Там же. Л. 123].

Очевидно, сделать ничего не удалось, и В.В. Радлов обратился к Его Сиятельству г-ну Директору-Распорядителю Добровольного Флота князю Маврокордато: *«Вследствие телеграммы от 30 ноября 1915 г. агента Добровольного Флота относительно предстоящей продажи с аукциона принадлежащих ИАН 4-х ящиков с этнографическими коллекциями по коносаменту за № 14, хранящихся в Таможенных складах Александрии, Музей Антропологии Академии честь имеет просить сделать зависящие от Вашего Сиятельства распоряжения, дабы означенные 4 ящика были отправлены в Порт-Саид агенту Добровольного Флота для хранения впредь до окончания военных действий»* [Там же. Л. 242об.–243]. Вновь Л.Я. Штернберг писал в Одессу, в Управление агентов Добровольного Флота относительно индийской коллекции 21 июня 1916 г. [Там же. Л. 309, 317].

Несмотря на долгие хлопоты по вызволению из временного хранилища, коллекции, к сожалению, так и не дошли тогда до музея. Новых попыток отправлять в МАЭ ящики с вещами Мерварты не предпринимали.

11 ноября 1915 г. В.В. Радлов просил Особенную канцелярию кредитной части еще *«2000 руб. от Попечительного совета перевести в Коломбо в Императорское Русское консульство <...> путешественнику Герману Христиановичу Мерварту»* [СПФ АРАН.

Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 44. Л. 50]. Отправка денег обычно сопровождалась телеграммами с резюме: «Продолжайте собирать коллекции!».

Проходит два года с начала экспедиции, война продолжается. Переписка Музея с Мервартами осуществляется с мучительными перебоями. Для руководства МАЭ каждое дошедшее от них письмо о проделанной работе — праздник, подробные сведения о достижениях экспедиции любовно помещают в ежегодных отчетах МАЭ.

1915 год: *«В отчетном году по командировке от музея состояли А.М. Мерварт и Л.А. Мерварт, находящиеся ныне в Южной Индии, где, кроме собирания коллекций, занимаются лингвистическими и этнографическими исследованиями, преимущественно среди дравидийских народов. В этом году ими собрано 60 ящичков предметов»* [Отчет 1916: 22].

1916 год: *«Командировка А.М. и Л.А. Мерварт. От них в отчетном году получено всего четыре письма — отчета, сличив которые легко заметить, что значительная часть их писем пропала. Тем не менее удастся установить в общих чертах как их маршрут, так и то, что ими сделано, а также получить представление о собранных коллекциях. <...> За два года работы экспедицией, кроме большого и весьма ценного материала, относящегося к наблюдениям над религией, общественным устройством, кастами и материальной культурой жителей Цейлона и Южной Индии, собраны обширные коллекции, полно и всесторонне, судя по отчетам, представляющие жизнь туземного населения. Подсчитать, хотя бы приблизительно, число собранных предметов не представляется возможным. Можно лишь указать, что ящичков с коллекциями набралось уже 140, фотографий — свыше 2000. Коллекции эти, за невозможностью доставить их в Россию, сданы на хранение в различных городах»* [Отчет 1917: 28–30].

В годы войны Л.Я. Штернберг продолжал поддерживать связь с организованными Музеем экспедициями. 11 декабря 1915 г. он писал С.М. Широкоговору, что Мерварты все еще в Индии, из Южной Америки вернулся Манизер, а «дороговизна в России очень большая и вдобавок многих вещей совсем достать нельзя» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 2. Е.х. 117. Л. 96]. Но при этом он продолжал искать необходимые средства и добивался их отправки за рубеж.

В январе 1916 г. еще 5 тыс. руб. выделяются экспедиции Г.Х. Мерварта на продолжение работы в Индии, т.к. «там можно купить вещи дешево». 22 января 1916 г. «Комиссия по распределению иностранной валюты для заказов по государственной обороне согласно протоколу своему от 21 октября 1915 г. постановила, что ИАН в счет кредита на январь 1916 г. имеет получить из Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов для платежей по требованию № 1039 пособия сверхштатному этнографу Г.Х. Мерварту через Русское консульство в Коломбо согласно заявлению своему от 20 января за № 125 валюту на сумму 5000 руб. по внесении соответствующей контрвалюты. О постановлении Комиссии вместе с сим уведомлена Особая канцелярия по кредитной части, куда настоящий талон должен быть предъявлен. Подлинный подписал председатель Комиссии Михельсон». 30 января 1916 г. 5000 руб. (£ 527–19/8 по курсу 94.70) были переведены [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1916). Е.х. 14. Л. 4, 7, 11]. К этому времени у экспедиции уже практически не было средств, о чем Г.Х. Мерварт сообщал телеграммами [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 21–22].

Свои отчеты супруги Мерварт отправляли через Российское Императорское Вице-Консульство. 28 августа 1915 г. «один пакет почты за № 1, переданный в Консульство г-жою Мерварт», был оправлен консульским агентом Кадомцевым [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 70. Л. 102], в МАЭ он прибыл 30 сентября 1915 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 181]. Таким образом, сообщения достигали адресата примерно через месяц.

Доклад № 3 гг. Мерварт был получен в феврале, № 4 — 15/28 марта 1916 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 43, 52], еще пакеты поступили 18 апреля [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 303], 7 июля 1916 г. [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1916. Е.х. 8. Л. 20]. Почта поступала через III Политический отдел (Средне-Азиатский) Министерства иностранных дел. В.В. Радлов 7 марта 1916 г. в условиях ухудшающего политического положения рекомендовал Мервартам посылать письма на адрес МИД через Русское консульство в Коломбо [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 265].

Эти подробности важны для понимания особенностей переписки. С Цейлоном и Индией Л.Я. Штернберг общался при помощи

писем и телеграмм, сообщая о высылке средств и подбадривая Мервартов. Обычно письма обе стороны писали по-английски, видимо, чтобы успокоить британские власти. Но в почте, отправлявшейся по дипломатическим каналам, имеются письма на русском языке. Так, Л.Я. Штернберг комментировал ситуацию Мервартам в письме 22 марта 1916 г.:

*«Многоуважаемые коллеги, Мы получили ваше письмо от 6 февраля н.г., на этот раз оно шло аккуратно. Прежде всего хочу вам сказать пару слов по денежному вопросу. Недоразумение с деньгами вышло потому, что Кредитная Канцелярия вместо того, чтобы переслать по телеграфу, как мы просили, прислала нам спустя месяц чек для перевода Вам по почте. Вот тогда только и заставили Кредитную Канцелярию перевести вам деньги по телеграфу. Что касается дальнейших средств, если понадобится, то постараемся их раздобыть, для того чтобы вы могли использовать свое пребывание в Индии производительно для целей Музея. Я вам телеграфировал, чтобы корреспонденцию направляли в МИД для Музея, для того, чтобы не было проволочек с цензурой, где без сомнения много разных писем до сих пор лежит. Но посылайте всю вашу корреспонденцию через Консульство, хотя и те письма, которые вы посылали через Консульство непосредственно нам, тоже цензурой не задерживались и переводились нам беспрепятственно. Командировочные листы, как вы просили, Вам высылаются»* [Там же. Л. 281].

Снова Г.Х. Мерварт просил денег по телеграфу из Дели 23 февраля 1916 г. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 71. Л. 9]. 15 апреля 1916 г. он телеграфировал о немедленной высылке новых удостоверяющих их статус документов [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 570]. Музей отправил запрашиваемые официальные бумаги, в т.ч. на французском языке, свидетельствующие, что *«Г.Х. Мерварт командирован в Индию и на о. Цейлон для собирания этнографических коллекций сроком на два года»*, а *«учительница Петроградской гимназии Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Л.А. Мерварт командирована в Индию и на о. Цейлон для собирания этнографических коллекций сроком на два года»* [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1916. Е.х. 8. Л. 15–17].

В середине 1916 г. Мерварты получили уведомление от Музея, что командировка их продлена на два года. Работа продолжалась до

1918 г., пока стала уже совсем невозможной. Официально командировку им больше не продлевали. А тем временем в России к Первой мировой войне «добавилась» и Гражданская. И прошли еще почти шесть нелегких лет до тех пор, когда экспедиция вернулась в Музей.

Консульский агент Кадомцев 15 апреля 1916 г. перевел из Коломбо Мерварту в St. Winifreds, Nuwara Eliya, по телеграфу 500 рупий, поскольку перевод из Петрограда еще не пришел. *«Я слышал, что перевод из России чрезвычайно трудно получить. Министерство дает в ограниченном количестве и только для погашения долговых обязательств. Сейчас exchange 163 за £10!»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 58–58 об.]

Л.Я. Штернберг подбадривал Мервартов 3/16 июня 1916 г.:

*«Дорогие коллеги! Я вам писал подробно и многократно телеграфировал. Вы жалуетесь, что вас забывают и не поддерживают письмами. Я вас должен приятно разочаровать в вашем заблуждении. Мы даже слишком много думаем о вас, всегда ломаем голову о деньгах и сочувственно следим за вашей работой. Наоборот, вы слишком мало верите в нас и падаете духом, т.к. Г.Х. даже взял службу. <...> С нетерпением ждем копии ваших списков предметов, которые нам нужны и для ориентировки относительно характера сборов, и для представления Академии и Попечительному совету (в интересах воздействия в отношении средств на дальнейшее)»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 348–349].

Очередную сумму Л.Я. Штернберг обещал отправить Г.Х. Мерварту в сентябре 1916 г. [Там же, л. 343], и тот, находясь в Кашмире 26 июля, очень на это рассчитывал, заказывая коллекции [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 77].

В этот раз из суммы, *«отпущенной Историко-Филологическим Отделением на экстренные расходы по Музею в вакационные месяцы, 3010 руб. были переведены командированному в Британскую Индию сверхитатному этнографу Г.Х. Мерварту в срок (17 августа 1916 г.) по телеграфу по адресу: Colombo, Russian Consulate, Meerwarth»* [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1916). Е.х.14. Л. 94, 99, 116].

За свои усилия *«не имеющий чина Герман Мерварт, VII разряд, служащий в МАЭ по вольному найму с 1 октября 1913 г.»*, был представлен к ордену св. Станислава 3-й степени — в составе группы

сотрудников музея, представленных в конце 1916 г. к Высочайшим наградам [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1916). Е.х. 52. Л. 27об.]. Но исторические события в стране помешали этому награждению.

21 октября 1916 г. Мерварту срочно «*понадобилось еще денег, ибо собрано 130 ящиков*» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 68. Л. 190]. Насколько сложно было организовать перевод этой суммы, свидетельствует процедура. Вопрос о выделении средств экспедиции Мервартов вице-президент Академии наук А.П. Карпинский ставил в Комиссии по учету и распределению иностранной валюты 21 января 1917 г. «*Иностранное отделение при Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов 31 января 1917 г. № 1390 согласилось исполнить перевод по получении стоимости его по казенному курсу, еще 10 руб. телеграфные расходы. Комиссия по учету и распределению иностранной валюты II-го Отделения Управления Военного министерства 27 января 1917 г. № 462 уведомила Правление ИАН, что поручение передано для отнесения на свободный кредит в Особенную канцелярию по кредитной части, куда и надлежит обращаться с дальнейшими требованиями по настоящему делу*». Там 28 января 1917 г. была выписана ассигновка на 5005 руб. (из них 5 руб. — на телеграфные расходы). Талон от ассигновки Правления ИАН № 156 был передан в Особенную канцелярию по кредитной части 31 января 1917 г. Платеж был произведен 6 февраля 1917 г. депешей через старейший торговый банк Лондона — «*Братья Баринги и К<sup>о</sup>. (Baring Brothers&Co)*» — в рапорте Российскому консульству, Индия, переведено £ 523.11/2 (по курсу 95–50), всего 5000 руб. и уплачено 10 руб. за телеграфные расходы, т.о. еще 5 руб. пришлось доплатить 16 февраля/1 марта 1917 г.» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1917). Е.х. 19. Л. 26–32].

Количество ящиков у Г.Х. Мерварта в Дели (Индия) к 2 февраля 1917 г. достигло 150 [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 71. Л. 16]. Дальнейшие сборы зависели от наличия средств [Там же. Л. 32]. В.В. Радлов успокаивал его, что сумел убедить Правление ИАН выделить для покупки вещей еще 5 тыс. руб. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 69. Л. 482].

Точно так же решался вопрос о следующем транше средств в мае — июне 1917 г. II-е отделение валютного отдела Главного управления пограничному снабжению Военного министерства

30 мая 1917 г. № 2561 определяло, какая именно валюта на сумму 4000 руб. требуется для приобретения в Коломбо этнографических коллекций для МАЭ. Получив разрешение на английскую валюту, оно передало ходатайство в иностранный отдел Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, который выяснял у ИАН, ассигнуется ли означенная сумма из казенных средств или же из каких-либо других источников. 26 июня 1917 г. Министерство финансов депешей перевело через Baring Bros. £ 418.17 (по курсу 95.50 = 4000 руб.) и уплатило 10 руб. за телеграфный перевод в Коломбо Российскому посольству (консульство было везде) для Г.Х. Мерварта. Сумма поступила талоном. Платеж был произведен 28 июня 1917 г. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1917). Е.х. 19. Л. 74–84].

Недостающую 1000 руб. (из сумм МАЭ на покупку коллекций), по заявлению этнографа Л.Я. Штернберга, появилась возможность дослать Г.Х. Мерварту в июле 1917 г. Депешей от 7 августа 1917 г. через Baring Bros. в Коломбо Русскому Посольству для Г.Х. Мерварта было переведено £ 104.14/3 (1000 руб.) и уплачено 10 руб. за телеграф [Там же. Л. 99–106].

К маю 1917 г. экспедиция *«собрала обширные сведения научного характера и огромный материал по всем областям культуры о Цейлона, Южной и Северной Индии (до 20 000 предметов)»*. 17 мая 1917 г. В.В. Радлов информировал Историко-Филологическое отделение ИАН, что *«экспедиции придется задержаться в Индии еще на год, то есть Академии придется и далее изыскивать способ поддержания ее работы, в частности 12 тыс. руб. из средств экстренного ассигнования Министерства народного просвещения»* [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 73. Л. 11–12 а]. *«Г[осподин] Министр финансов согласен ассигновать необходимую сумму, но курс нашего рубля, бывший в мае месяце, настолько разнится от нынешнего, что ассигнованных 7 тыс. руб. далеко не хватит для расчета по экспедиции»* [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Е.х. 164. Л. 481–481об.]. В октябре 1917 г. Особенная канцелярия по кредитной части получила для экспедиции 6000 руб. [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 71. Л. 55].

29 сентября 1917 г. Русский консул в Калькутте уведомил музей, что у Мервартов *«нет ни гроша»* [Там же. Л. 49]. В.В. Радлов немедленно попросил хозяйственный департамент Министерства ино-

странных дел отправить ответную телеграмму, сообщая, что в июле и августе в Коломбо Мерварту были отправлены 522 фунта стерлингов и что скоро деньги поступят еще, что экспедиция финансово гарантирована, а также просить Консульство в Калькутте, «чтобы в случае, если Мерварт временно окажется в затруднительном положении, помочь ему заимообразно в счет Музея» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Е.х. 73. Л. 33].

После Октябрьской революции пришлось искать новые способы помочь зарубежным экспедициям. В частности, впервые оказалось возможным принять на работу в МАЭ Л.А. Мерварт. В новый «окладный список» личного состава, направленный на утверждение в Комиссариат народного просвещения, были включены «заведующий отделом Индии Г.Х. Мерварт и помощник заведующего отделом Индии г-жа Л.А. Мерварт, с определением им по времени действия новой сметы общеустановленного оклада для заведующего отделом — 650 руб., для помощника — 550 руб., и содержание исчислять со дня назначения — с 1 января 1918 г.» [Там же. Л. 77].

В.В. Радлов также 13/26 января 1918 г. обратился с письмом к лорду Д.Дж. Рею, президенту Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии. Вторично он ему написал 5/23 апреля 1918 г. Приведем текст этого примечательного письма (перевод с англ. яз. — Авт.):

«Милорд,

Как почтенный член Королевского Азиатского общества, я имею честь обратиться к Вам относительно г-на Мерварта и его супруги, ассистентов Индийского отдела Музея антропологии и этнографии, которые были отправлены Академией наук и Этнографическим музеем весной 1914 г. в Индию для изучения языка, религий и обычаев местного населения, а также для сбора этнографических коллекций. Бывшее Временное Правительство выделило 20 000 рублей, чтобы завершить экспедицию и осуществить возвращение г-на и г-жи Мерварт вместе с 200 ящиками этнографического материала.

В нынешних обстоятельствах, которые мне вряд ли необходимо объяснять Вам в деталях, мы не имеем возможности получить и послать деньги указанным исследователям. Не могли бы Вы найти средства, чтобы обеспечить им какую-нибудь научную или другую

службу в Индии в каком-нибудь музее или ином научном учреждении. Г-н и г-жа Мерварт — очень способные ученые и хорошие работники, и хорошо сведущие в английском языке. Лучшим способом выхода из трудности было бы назначить им за счет нашего Музея необходимую денежную сумму для продолжения их работы вплоть до более благоприятных времен. Мы приложим все усилия, чтобы возместить все расходы как можно скорее, и мы будем искренне благодарны за спасение оказавшихся на мели исследователей.

*Остаюсь, Милорд, искренне Ваш В.В. Радлов»* [Там же. Л. 64, 79].

Отделению исторических наук и филологии РАН академик В.В. Радлов докладывал 15 апреля 1918 г., что несколько научных экспедиций МАЭ заканчивают свои работы. *«Одна под началом Г.Х. Мерварта работает в Индии с весны 1914 г. Этой экспедиции были поставлены <...> задачи: всесторонне изучить материальную и духовную культуры народов Индии и параллельно с этим составить полное собрание предметов, иллюстрирующих эти культуры, с тем расчетом, чтобы это собрание могло бы послужить материалом для оборудования в Музее особого отдела культуры Индии.*

*Т.к. снаряжение экспедиции в такую отдаленную страну обходится очень дорого и кроме того пребывание в этой стране сопряжено с большими опасностями для жизни и здоровья и потому требует постоянных приспособлений членов экспедиции к местному климату, то эта экспедиция с самого начала по необходимости была рассчитана на несколько лет, с целью путем непрерывной работы собрать столько материала, чтобы в ближайшем по крайней мере времени не было надобности снаряжать новые дорогостоящие и опасные экспедиции. За истекшие три года экспедиция успела собрать огромную коллекцию (свыше 250 ящичков) и обширный научный материал. Работа этой экспедиции еще далеко не закончена, но, уже не говоря о крайней важности продолжения экспедиции в чисто научном отношении, прервать ее работу до окончания мировой войны представляется невозможным и по чисто техническим причинам. Огромный собранный материал в настоящее время лежит в разных местах, вывезти его до окончания войны абсолютно невозможно, но и по окончании войны благополучный вывоз его из Индии возможен только при доставке лично и членов экспеди-*

ции. Кроме того, целый ряд предметов (модели и слепки) заказаны в самых различных местах, и за них дан залог, и их необходимо еще собрать, и к тому же крайне важно собрать хотя бы самые необходимые дополнения. Перерыв и прекращение работ экспедиции и немедленное возвращение ее членов в Россию привело бы к гибели всего собранного материала. Что касается размеров требующихся хотя бы минимальных расходов по экспедиции, то на основании опыта прежних лет потребуется на содержание участников экспедиции 700 ф[унтов] (6000 руб.) и 800 ф[унтов] (8000 руб.) на уплату по заказам и долгам прошлого года, т.к. за последние девять месяцев экспедиция ничего не получала.» На две экспедиции МАЭ (С.М. Широкогоров по-прежнему работал в Северной Маньчжурии) «потребуется в английской валюте 1900 ф[унтов] ст[ерлингов], а в русской 6000 руб. В общем итоге, переводя ф[унт] ст[ерлингов] на русские деньги даже по курсу 30 руб. за ф[унт] ст[ерлингов], получим сумму в 63 000 руб.» [Там же. Л. 87–91].

24 апреля 1918 г. директор МАЭ подчеркивал, что экспедиция командированного в Индию Г.Х. Мерварта давно не получала денег и находится в безвыходном положении. Были ассигнованы 10 тыс. руб. Поскольку через Кредитную Канцелярию переводы не производились, то В.В. Радлов принял меры, чтобы можно было перевести эту сумму через местное Английское консульство, которое изъявило на это согласие 1 мая 1918 г.

В.В. Радлову было выдано 10 тыс. руб. из общемузейных сумм для перевода Г.Х. Мерварту через посредство английского консула [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1918). Е.х. 17. Л. 26, 28]. Но академик В.В. Радлов скончался 12 мая (29 апреля) 1918 г., и талон к ассигновке № 287 от 1 мая остался неполученным. Ассигновки для МАЭ теперь выписывались на имя неперменного секретаря РАН С.Ф. Ольденбурга [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Е.х. 165. Л. 406].

Реализуя решение РАН, член коллегии Научного отдела Народно-го комиссариата по просвещению Л.Г. Шапиро прислал в Академию наук отношение от 20 июня 1918 г. № 17698/731: «Сообщаю вам, что Финансовой комиссией 19 июня 1918 г. постановлено открыть Вам кредит в сумме 63 000 руб. на экспедиции в Индию, Маньчжурию, Корею, Амурский край в первой половине 1918 г. О переводе

*Вам этого кредита мы сегодня же обратились в финансовое отделение Комитета»* [Там же. Л. 71об.].

Деньги Мервартом получены не были, и Академия наук должна была выяснить, когда ему в Индию были отправлены Кредитной канцелярией 5 000 рублей [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Е.х. 72. Л. 30].

Музей по-прежнему числил Мервартов в штате «индийской экспедиции», хотя в отчете за 1918 г. записано, что *«от них, вследствие перерыва сообщения, сведений не поступило»*. Только в 1920 г. до МАЭ дошло одно из писем Мервартов. Наконец-то прояснилась судьба экспедиции. Живы и здоровы сами ученые, велики результаты их работы: собран огромный коллекционный материал. Директор МАЭ академик Е.Ф. Карский в 1923 г. сетовал, что *«МАЭ в последние годы лишился ряда незаменимых работников: Г.Х. и Л.А. Мерварты, С.М. Широкогоров, Б.Э. Петри задержаны долготетными экспедициями на Востоке, и трудно предвидеть, когда они вернутся»* [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1923. Е.х. 172. Л. 203об.].

Значительная часть коллекций была оставлена Мервартами на хранение в музеях Коломбо, Мадраса и Калькутты. Чтобы их вызволить, потребовались немалые хлопоты, вплоть до обращения к российским и британским дипломатам. Большая доля работы легла на плечи Л.Я. Штернберга. Все первое полугодие 1921 г. Л.Я. Штернберг, профессор Географического института и Петербургского университета, фактически руководил МАЭ [Там же. Л. 265об.]. Как заведующий музеем, он использовал все возможности для помощи экспедициям. Первая попытка имела место в 1921 г. Совет МАЭ 16 мая 1921 г. избрал К.И. Савича научным сотрудником без содержания для исполнения специальных поручений научного характера. Его предполагалось командировать во Владивосток для вывоза оттуда коллекций, принадлежащих РАН и собранных в Индии хранителем Музея А.М. Мервартом [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1921. Е.х. 169. Л. 26].

28 июля 1922 г. Совет МАЭ, председателем которого был Л.Я. Штернберг, обеспокоило письмо директора Правительственного музея в Мадрасе (Government Museum — Pantheon Road, Egmore, Madras) от 17 июня 1922 г. № 736–1/22 (перевод с англ. яз. — *Авт.*):

*«Имею честь обращаться к Вам в связи с ящиками, содержащими этнографические коллекции, которые хранятся в этом Музее по просьбе д-ра Г. Мерварта для Вашего учреждения. Хотя они были сложены здесь около пяти лет назад, они до сих пор не были востребованы. Поскольку местонахождение д-ра Мерварта неизвестно и так как он проинструктировал, что ящики могут быть доставлены всякому, кого Ваш Музей уполномочит взять поставку, я вынужден просить Вас сделать любезность организовать так, чтобы ящики были перемещены как можно скорее. Могу добавить, что ящики и их содержимое быстро уничтожаются белыми муравьями и более чем желательно, чтобы их осмотрели и немедленно увезли»* [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1922. Е.х. 170. Л. 220].

Непременный секретарь и Историко-филологическое отделение РАН были серьезно обеспокоены состоянием коллекций. Непременный секретарь обратился по этому поводу в Главнауку (Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями) и к академику Ф.И. Щербатскому [Там же. Л. 236]. Но только через год их усилия дали результат.

Коллекции Мервартов возвращались частями и попадали в Петроград разными маршрутами — через Лондон и через Владивосток. О признании их важности для науки свидетельствует хотя бы тот факт, что при первом же поступлении части из них Академик-секретарь С.Ф. Ольденбург лично торопился сообщить Историко-филологическому отделению РАН 5 сентября 1923 г., что «29 и 31 июля 1923 г. в МАЭ доставлена из Лондона часть индийской коллекции, собранной для МАЭ Мервартом, в количестве 71 ящик, произведена предварительная разборка коллекций, составлены описи, краткая характеристика коллекции» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1923. Е.х. 172. Л. 217об.], а 1 сентября 1923 г. академик И.Ю. Крачковский доложил, что в МАЭ закончена разборка и составлены списки этих коллекций [Там же. Л. 21об.].

Участие в процессе возвращения приняли Комиссариат просвещения, Внешторг, Комиссариат иностранных дел. Уполномоченному Наркомпути г. Г.Д. Красинскому было поручено получить этнографические коллекции МАЭ, хранившиеся с 1914 г. в Мадрасе, Коломбо и Шанхае. Он их получил и вывез в Сингапур. Оттуда предметы должен был забрать для доставки в Петроград русский

пароход «Декабрист». Красинский неукоснительно выполнял это поручение РАН, даже *«не располагая нужными на указанный предмет кредитами»*, и *«вынужден был позаимствовать на означенную цель 310 ф[унтов] ст[ерлингов] у посторонних учреждений, каковым вышеупомянутая сумма»* предполагалась быть возвращенной» [Там же, л. 221]. 3 ноября 1923 г. по предложению И.О. Непременного секретаря академика А.Е. Ферсмана *«было положено: 1) благодарить г. Красинского за бескорыстное выполнение им поручения Академии наук по доставлению в Россию ценных в научном отношении коллекций; 2) просить Правление внести в смету 1923–1924 гг. 310 ф[унтов] ст[ерлингов] на указанные выше надобности»* [Там же. Л. 29об.].

Представление о сложности решенных задач дает и тот факт, что руководство Главнауки 16 января 1924 г. обратилось в Наркоминдел и предложило РАН самостоятельно выяснить причины недоброжелательного отношения Британских колониальных властей к Г.Д. Красинскому при выполнении им научного поручения РАН [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 179].

30 декабря 1923 г. на пароходе «Декабрист» прибыли 20 ящиков коллекций с Дальнего Востока. Выгружать их в МАЭ было некуда, только *«на второй этаж Русского Отдела Библиотеки»*. А надо было еще пройти таможенный досмотр [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1923). Е.х. 19. Л. 96, 100].

Дело, видимо, шло небыстро. *«Для получения 14 ящиков коллекций, прибывших на пароходе “Декабрист” в октябре минувшего года, вместе с коллекциями Мерварта из Индии и представленных в распоряжение РАН, необходимо уплатить 30 руб. золотом за полевое. Коллекции не были своевременно получены за отсутствием средств на выкуп. Ныне все пошлины и акцизы сняты, а задержка в получении произошла не по вине Музея, а по случаю заболевания М.М. Гранстрема»*, — утверждал директор МАЭ Е.Ф. Карский 29 февраля 1924 г. В эту сумму входили счета Сухопутной таможни, Добровольного Флота, за доставку ящиков в МАЭ и др. [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1924). Е.х. 25. Л. 15, 17]. Чаеуправление также просило РАН о возмещении ему долга по перевозке индийских коллекций для МАЭ. Переписку по делу передали в Правление Академии для выяс-

нения возможных способов оплаты [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 189].

Разборка третьей партии полученных МАЭ индийских коллекций была произведена 23 апреля 1924 г. [Там же. Л. 194об.].

В 1924 г. директор МАЭ академик Е.Ф. Карский вел активную переписку с Индией (туда были отправлены несколько бандеролей) и с Харбином. 30 ноября 1923 г. он телеграфировал в Харбин в Русско-Азиатский банк Мервартам, что им разрешен въезд в страну, бесплатный проезд и беспошлинный ввоз. «Документы высылаем, визу получите у представителя» [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1923). Е.х. 19. Л. 111]. В списке сотрудников МАЭ (июль 1924 г.) значились сотрудники 1-го разряда А.М. и Л.А. Мерварт [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1924). Е.х. 25. Л. 71]. 10 сентября 1924 г. А.М. Мерварт получил 100 руб. в возмещение расходов по подготовке и транспорту собранных им индийских коллекций (из оставшихся 200 руб., отпущенных на нужды Музея по ученой части) [Там же. Л. 108–109].

3 декабря 1924 г. А.М. и Л.А. Мерварты отчитались о командировке в Индию. Отчеты их и других сотрудников МАЭ было решено передать в Комиссию по научным экспедициям, «*благодарить их за собранные коллекции*» [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1924. Е.х. 173. Л. 218 об.]. Впоследствии директор МАЭ 15 сентября 1926 г. рекомендовал напечатать «Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг.» А.М. и Л.А. Мервартов, вместе с другими отчетами по экспедициям [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1926. Е.х. 175. Л. 161], что и было сделано [Мерварт, Отчет 1927].

Тем не менее часть коллекций ученого хранителя А.М. Мерварта оставалась во Владивостоке, и дирекция МАЭ беспокоилась о скорейшей доставке их в Ленинград. Ректор Владивостокского университета 25 февраля 1925 г. ответил телеграфно о мерах, предпринятых к отправке коллекций [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1925. Е.х. 174. Л. 149об.]. По ходатайству Главнауки Народный комиссариат просвещения обратился в Тарифный комитет и добился права бесплатной перевозки по Октябрьской и Уссурийской железным дорогам от ст. Владивосток до ст. Ленинград коллекций, собранных в Индии А.М. Мервартом, в количестве 12 ящиков весом 50 пудов, направленных в адрес РАН [СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1925). Е.х. 20. Л. 149]. 22 сентября 1925 г. 11 ящиков с коллекциями по этнографии Ин-

дии были получены МАЭ [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1925. Е.х. 174. Л. 166об.].

Таким образом, частью коллекции были получены и оказались в музее раньше самих собирателей. Самое важное из своих сборов Мерварты хранили при себе в течение нескольких лет. К моменту возвращения в родной город у супругов к тому же было двое детей. Так что когда они смогли с Дальнего Востока отправиться в родной город, для их переезда понадобился целый вагон-теплушка, о котором специально хлопотали.

Мерварты вернулись домой и к работе в 1924 г., когда как раз шла подготовка к 210-летию юбилею музея. Ими было привезено около 3000 предметов вещевых коллекций и огромное количество фотоматериалов. Сверх того — почти 800 томов самых свежих тогда книг по проблемам этнографии народов Южной Азии.

В честь юбилея было задумано создать новую (тематическую) индийскую экспозицию. Это стало возможно именно благодаря результатам экспедиции Мервартов. Она была создана в самые краткие сроки. Теперь индийский отдел не уступал другим отделам МАЭ по объему и содержательности. Научные принципы, впервые выработанные именно в «радловско-штернбергский» период жизни Музея и положенные в основу постоянной индийской выставки, в главных установках сохранены и до наших дней, несмотря на все перемены и усовершенствования.

### Библиография и источники

*Краснодембская Н.Г.* От Львиного острова до Обители снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии). М., 1983.

*Мерварт А.М.* Отдел Индии. Краткий очерк индийской культуры по материалам отдела Индии МАЭ. Л., 1927.

*Мерварт А. и Л.* Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л., 1927.

Отчет о деятельности МАЭ за 1915 год. Пг., 1916.

Отчет о деятельности МАЭ за 1916 год. Пг., 1917.

СПФ АРАН. Ф. 1, оп. 1а, е.х. 161-175.

СПФ АРАН. Ф. 2, оп. 1-1913, е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 2, оп. 1-1914, е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 2, оп. 1-1916, е.х. 8.

СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1916), е.х. 14.

- СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1916), е.х. 52.  
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1917), е.х. 19.  
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1918), е.х. 17.  
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1923), е.х. 19.  
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1924), е.х. 25.  
СПФ АРАН. Ф. 4, оп. 2 (1925), е.х. 20.  
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 44.  
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 65.  
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 66.  
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 68.  
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 69.  
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 71.  
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), е.х. 73.  
СПФ АРАН. Ф. 142, оп. 2, е.х. 117.

*С.А. Корсун*

### **Л.Я. Штернберг как американист**

Научная деятельность Льва Яковлевича Штернберга была неразрывно связана с Музеем антропологии и этнографии (МАЭ). Как этнограф, он занимался изучением народов района нижнего Амура и Сахалина. Что касается его вклада в американистику, то в этой области деятельность Л.Я. Штернберга была направлена на комплектование коллекций. Освещению этого аспекта многогранной деятельности Л.Я. Штернберга (его роли в пополнении американских фондов МАЭ) посвящена настоящая статья.

В студенческие годы Л.Я. Штернберг состоял в революционной организации «Народная воля». В 1886 г. его арестовали, в период с 1889 по 1897 гг. он находился в ссылке на острове Сахалин. Во время ссылки Л.Я. Штернберг решил на практике осуществить свои революционные идеи и «ушел в народ», т.е. стал заниматься изучением культуры коренного населения.

В 1894 г. директором МАЭ избрали академика Василия Васильевича Радлова (1837–1918). С его приходом наступил новый период в истории музея. В.В. Радлов начал коренные преобразования в отношении сбора, учета, хранения и регистрации коллекций; образо-